

Игнатий Потапенко

Во тьме времен (История, случившаяся в 2912 году)

**Потапенко Игнатий
Во тьме времен (История,
случившаяся в 2912 году)**

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ
Вряд ли кто из читателей "ТМ" поверит, что автор рассказа с невероятным сюжетом "Во тьме времен" Игнатий Потапенко (1856-1929) в прошлом веке был гораздо знаменитей самого Чехова! Пьесы Потапенко шли в сотнях театров - и русских, и зарубежных. Многотомные собрания сочинений появлялись едва ли не ежегодно. Публику привлекала и романтическая биография тогдашнего властителя дум. Сын блестящего уланского корнета, в одночасье ставшего священником, он, по настоянию отца, закончил семинарию, но духовной карьерой тяготился.

И однажды навсегда покинул родные херсонские края, уехав в Петербург. Здесь окончил консерваторию по классу пения, здесь же опубликовал свои первые литературные опыты (за которые, кстати, как и Чехов, получил Пушкинскую премию).

Оба писателя соперничали не только на поприще изящной словесности, но и в любви, будучи увлечены начинающей актрисой Лидией Мизиновой - той самой "златокудрой", "перламутровой" Ликой, что в разные годы

сводила с ума Левитана, Врубеля, Станиславского, Рахманинова, Качалова... В чеховской пьесе "Чайка" Лика выведена в образе Нины Заречной. В конце концов, Лика отдала свое сердце уже женатому Потапенко, а Чехов женился на другой актрисе - Книппер. Увы, роман "девушки-чайки" Лики с одним из ее кумиров оказался неудачным: их малютка-дочь умерла, а слабовольный певец и скрипач так и не нашел в себе сил порвать с законною женой.

Вернемся к рассказу "Во тьме времен", появившемся в 1912 году.

Фантастические события, происходящие в нем, отнесены на тысячелетие вперед, когда "сравнительно небольшая кучка людей забрала в свои руки все сокровища Земли, и, благодаря несметному количеству золота, платины, радия и других благородных элементов, которыми безраздельно владела, она царила на Земле, проводя жизнь в бездействии и неге".

Обитатели далекого будущего пользуются "сотовыми" телефонами, в ходу бескровные операции вроде тех, которыми удивляют нас

филиппинские то ли хирурги, то ли маги, да и сами операции поставлены на "поточное производство", как в федоровской "Микрохирургии глаза". Америка и Россия переживают период платонической любви. Вопросы геополитики решаются с помощью всемогущих спецслужб...

"Но при чем тут конец третьего тысячелетия! - воскликнет читатель. Это же наши, теперешние будни". И будет прав. Потапенко ошибся в своих прогнозах почти на 9 столетий. Но от этого его парадоксальный рассказ только выиграл. В нем просматриваются, кроме всего прочего, и недавняя операция на сердце непредсказуемого "президента всех россиян", и интриги его сладкоголосой коварной свиты, и циничное отношение власть предержащих к париям-безработным, пенсионерам, а заодно и к работникам в бюджетной сфере, и многое другое из нынешнего нашего фантазмагорического бытия...

Полностью рассказ "Во тьме времен" публикуется в 11 -м томе "Библиотеки русской фантастики XI-XX вв.", выпускаемой автором этих строк в издательстве "Русская книга".

Игнатий ПОТАПЕНКО

ВО ТЬМЕ ВРЕМЕН

История, случившаяся в 2912 году

Завязка

Стояла дивная зимняя петербургская ночь. С пятисотсаженной высоты башни ярко светило городское электрическое солнце, по обилию световых лучей нисколько не уступавшее тому светилу, которое каждое утро на смену ему всходило на востоке и плыло по небу, по направлению к западу. Еще выше саженей на триста, от той же башни на тонком стальном шесте подымался колоссальный термометр, который показывал 20 градусов холода.

Но здесь внизу, над городом и на его улицах, благодаря грандиозным общественным печам, которые согревали разом не только внутренность домов, но и воздух на несколько десятков верст в окружности, было тепло, как в июле, и жители города, поспав не более получаса, - так как они, занятые делами, не имели возможности тратить ежедневно на такое непроизводительное занятие, как сон, больше этого времени, - усиленно занима-

лись каждый своей работой. К утру, то есть к тому моменту, когда взойдет небесное солнце, а городское будет погашено, все работы должны быть кончены, так как наступит ежемесячный праздник.

В прежние времена, как свидетельствует история, люди устраивали"

себе праздники каждую неделю и, кроме того, у них были еще и другие дни, когда они ничего не делали. Но с течением веков неизмеримо усилившаяся борьба за существование заставила их отказаться от этой роскоши и теперь они праздновали лишь один раз в месяц. Но зато в этот день какая бы то ни была работа считалась национальным преступлением. Все должны отдыхать и радоваться - лежать или танцевать, петь, играть во всевозможные игры, словом, доставлять себе только удовольствие, которое в умеренной дозе является лучшим отдыхом для утомленного организма.

В такую ночь к воздушному подъезду одной из самых фешенебельных гостиниц приближался известный всему миру американский миллиардер Чернчайль. Накануне, по-

обедав со своими друзьями и ввиду довольно продолжительного путешествия вздремнув в кресле, он вылетел из Нью-Йорка, и так как теперь было несколько более двух часов ночи, то он в пути находился всего около четырех часов. Без сомнения, при желании, он мог бы пролететь это пространство вдвое скорее, так как висевшая на золотой цепи его часов в виде брелока машина, величиной с наперсток, была одна из самых совершенных. Но по дороге через Атлантический океан, где он был около полуночи, он встретил целое общество американских друзей, летевших из Европы в Америку. Это были просто веселые люди, которые слетали в знаменитую старинную столицу, всегда отличавшуюся веселыми нравами, пообедать в обществе красивых женщин, и теперь возвращались на ночлег в Нью-Йорк.

Узнав в нем знаменитого соотечественника, они сделали ему овацию, и он должен был провести с ними в воздухе довольно значительное время.

Просторный, роскошно отделанный подъезд гостиницы, расположенный на самом вер-

ху ее, над 172 этажом, был самым оживленным местом столицы.

Сюда слетались иностранцы со всех концов мира, встречая здесь все приспособления удобства, какие только мог изобрести человеческий ум.

В огромном доме гостиницы было сосредоточено все, как для деловых надобностей, так и для развлечения. Не было нужды за покупками обращаться в магазины и на рынки, точно также не приходилось рыскать по конторам и банкам, - здесь были всевозможные магазины, а все конторы и банки имели тут свои отделения. Театры самых причудливых жанров, выставки, спортивные залы, все это было во всякое время к услугам гостей, занимая большую часть дома.

Едва успев занять номер, состоявший из множества комфортабельных комнат, где были предусмотрены все малейшие потребности самого изысканного вкуса, Чернчайль, прежде всего, осведомился:

- Далеко ли отсюда помещается всемирно известный "Органо-ремонториум"?

- Если речь идет о незначительных орга-

нах, как, например, пальцы, или даже кисти рук и ног, то с этим может отлично справиться отделение "Всеобщего органо-ремонториума", находящееся при нашей гостинице.

- Ах, нет, - возразил Чернчайль, - это гораздо серьезнее. Я хочу отремонтировать мое сердце.

- О, так это, действительно, серьезно. В таком случае, вам придется самолично слетать в главную мастерскую... Там есть замечательные специалисты по сердцу. Угодно сейчас? Наш кондуктор проводит вас...

Минут через десять после разговора Чернчайль был уже в воздухе и, следуя за кондуктором, который мчался впереди, пролетел мимо ярко освещенных электрическим солнцем крыш высоких домов, дворцов, театров и церковных куполов, и спустился над зданием, над крышей которого в воздухе висели огромные огненные буквы:

ВСЕОБЩИЙ ОРГАНО-РЕМОНТОРИУМ

Еще через минуту Чернчайль был в приемной.

Сердце Чернчайля "Всеобщий органо-ремонториум" в Петербурге славился на весь

мир.

Этот город и его страна в последние два столетия, вообще, заняли первенствующее положение в деле техники человеческого организма.

Русские ученые-естествоиспытатели открыли способ разбирать организм по отдельным составным частям и вновь складывать его. Само собою понятно, что для людей, поглощенных делами и дорожащих временем, открытие это имело колоссальное значение. Нуждаясь в лечении или выпрямлении ноги, или прочистке какого-нибудь засорившегося кровеносного сосуда в ней, вы не должны тратить напрасно драгоценное время, оставаясь в больнице. Вы просто отсылаете вашу ногу в "Органо-ремонториум" и преспокойно продолжаете ваши дела, пока нога в совершенно обновленном виде не вернется к вам и не займет свое место.

Точно также вы можете поступить с вашими руками, с селезенкой, с почками, с любым из служебных органов. Если бы вы считали неудобным обходиться без них, вам стоило бы только заявить об этом в контору "Орга-

но-ремонториума", и вам пришлют великолепно сделанный искусственный орган, который временно будет служить вам, как ваш собственный. Только мозг и сердце не выдерживали пересылки, и их умели вынимать собственноручно лишь специалисты заведения.

Чернчайлю пришлось не менее получаса ждать очереди, - целая вечность для делового человека. Впереди его, у двери приемного кабинета, стояла длинная вереница приехавших со всех концов мира клиентов, среди которых были люди всевозможных цветов и оттенков, явившиеся из Азии, Африки, Австралии, Америки, Южного полярного материка...

Пользуясь этим временем, мы можем поближе познакомиться с Чернчайлем. Это был человек колоссального роста: ему не хватало только одного вершка до полутора аршин*, чтобы считаться великаном.

Его огромная голова была совершенно лишена волос, что служило несомненным признаком высшей утонченнейшей расы, и блестела, как хорошо отполированный шар из слоновой кости.

С лицевой стороны бросался в глаза высокий, выпуклый лоб, под которым, как бы прятаясь в его тени, острым пронизывающим блеском горели умные пронизательные глаза, глубоко сидящие в орбитах. Нос был прямой, тонкий, совершенно утопавший под отвесной выпуклостью лба. Тонкие губы его небольшого рта в спокойном состоянии красивыми мелкими складками были собраны в одной небольшой точке; когда же он улыбался, они широко раздвигались и открывали два ряда чудных бледно-розовых десен, которые были совершенно свободны от грубых и бесполезных придатков, носящих древнее название "зубов" и еще уцелевших у людей низшей расы, а также у животных.

Ни один волос, ни даже пушинка не портили гладкой кожи его лица - губ, щек и миниатюрного подбородка. Как истый сын англосаксонской расы, усердно брившейся в течение многих столетий, и, наконец, своим упорством победившей упорство природы, он уже не нуждался в услугах бритвы. Эта величественная голова, составлявшая по размерам половину всего его тела, покоилась на тон-

чайшей, но упругой, как сталь, шее, переходившей в узенькие плечи, из которых выросли тонкие руки с длинными изящными, поразительно развитыми пальцами.

Красиво вдавленная внутрь грудь подпиралась узкой талией. Тонкие, как у птицы, ноги были плотно обтянуты черными шелковыми чулками и обуты в маленькие изящные сандалии, красиво перевязанные тончайшими ремешками. Одежда его состояла из легких, почти невесомых, но в то же время плотных тканей, обладавших свойством одинаково защищать от холода и от излишней жары. Красивыми складками она облегла его благородное тело и давала ему полную свободу движений.

Прямой, хотя и очень отдаленный веками, потомок пары сильных и здоровых людей, пришедших некогда в Америку с пустыми руками, но своей поразительной энергией и умом, разжигаемыми жаждой жизни и счастья, положивших начало богатству, которое затем, в течение бесчисленных поколений, прямые их потомки, с безумным счастьем и непоколебимо-жестоким нечеловеческим

терпением, умножали, пока, наконец, не довели его до безумных размеров, - он получил в наследство от своих предшественников состояние, за которое мог бы купить Земной шар, если бы он продавался.

Но судьба избрала его для того, чтобы он совершил переворот в судьбе своего рода. Увидев себя обладателем несметных богатств, он почувствовал стыд за все предшествовавшие поколения своих предков, не сделавших ни одного доброго дела, а только накоплявших богатство, и отдал всю свою жизнь добрым делам.

Он уже на накоплял. С какой-то почти сумасшедшей жадностью он строил колоссальные дворцы для бедняков, воздвигал школы, учреждал кредитные кассы, основывал больницы и просто раздавал деньги тем, кто в них нуждался. Вся Америка была застроена созданиями его бесконечно доброго сердца.

...Когда, наконец, до него дошла очередь и он вошел в приемный кабинет, он успел сказать только одно слово:

- Сердце...

Видно, знаменитые специалисты страшно

дорожили каждой секундой.

Тотчас же к нему бесшумно подкатила низенькая, необыкновенной белизны, изящная кушетка и, точно какая-то невидимая сила, осторожно, мягко подхватила его на воздух и уложила на кушетку лицом кверху. Специалист-ремонтатор приподнял его платье и быстрым и ловким движением пальцев, без помощи ножа и каких бы то ни было инструментов, раскрыл его грудь и вынул оттуда сердце, и при этом не пролил ни одной капли крови.

Он положил сердце Чернчайля в стеклянный ящик, на котором был начертан № 102489, означавший число сердец, подвергшихся уже ремонту в тот день. Такой же точно номер прикрепил к кушетке, надавил какую-то кнопку, и кушетка вместе с неподвижно лежавшим на ней Чернчайлем исчезла. В то же мгновение в кабинет уже входил следующий клиент.

Сердце министра

Главный министр государства, после целого дня непрерывных государственных дел, вернулся домой около двух часов ночи, имея

в виду в тот же момент приняться за спешные, не терпевшие ни минуты промедления дела, и в эту минуту почувствовал себя нездоровым.

- Черт возьми, - с досадой произнес он древнее русское ругательство, смысл которого давно уже был потерян. - Я не в первый раз уже чувствую, что сердце мое переутомлено и требует основательного ремонта. Придется прервать течение государственных дел часа на два.

Это причинит государству около сотни миллионов убытка, но сердце главного министра стоит гораздо дороже.

И сказав это, он тотчас же отправился в "Всеобщий органо-ремонториум". Вершитель дел целого государства вошел в приемную, как самый обыкновенный человек, и никто даже не обратил на него внимания. Правда, он был не очень большого роста, - всего аршин и четыре вершка. Тело его было худощавое, а в лице не было ни кровинки. Но, казалось, должна бы обратить на себя общее внимание его голова, не столько своими размерами, сколько формой.

Череп его, совсем гладкий и сплюснутый с обоих боков, тянулся на пол-аршина кверху и назад, постепенно суживаясь в виде конуса. И так как содержимое его головы представляло очень значительную тяжесть, то ему, чтобы удержать равновесие, приходилось наклоняться всем своим телом значительно вперед. Однако эта особенность не вызвала среди присутствовавших здесь клиентов образцового заведения никакого любопытства. На него только взглянули и сказали: это государственный человек.

И это происходило оттого, что у каждого из них, точно так же, как и у всех остальных представителей человечества, черепа имели особую форму, сообразно тем занятиям, которые были свойственны им из рода в род. У одних, занимавшихся торговлей, черепа были плоские, точно срезанные сверху и разросшиеся вширь, у других, предававшихся философии и всякого рода умственному напряжению, были сильно выдвинуты вперед лбы, так что лица их совершенно скрывались под ними, как под навесом. У третьих, занимавшихся механическим трудом без всякого уча-

ствия мысли, были сильно развиты затылочные части, выдававшиеся над спиной в виде костяных мешков, и т.д. Было бесконечное разнообразие форм черепов, как бесконечно число человеческих профессий.

Министр скромно занял место в хвосте ожидавших очереди. Никто даже не спросил его, кто он, так как никому не было до этого дела. И это была простая случайность, что ему пришлось стать в очередь как раз позади Чернчайля, и, таким образом, тот клиент, который вошел в приемный кабинет в момент, когда белоснежная кушетка с неподвижно лежавшим на ней телом Чернчайля, по мановению руки ученого специалиста, исчезла, и был именно министр. Его сердце точно так же было искусно извлечено из груди, как и сердце Чернчайля, и помещено в стеклянном ящике, обозначенным № 102490, который был также припилен и к кушетке. И совершенно так же после этой операции моментально исчезла белая кушетка, на которой лежало, казавшееся безжизненным, тело министра, и в тот же момент вошел следующий клиент.

Обе кушетки - Чернчайля и министра, с го-

ловокружительной быстротой двигаясь по воздуху над самым полом, при помощи электрического тока, поступили в колоссальных размеров зал, в котором стояли уже сотни бесконечных рядов таких же белоснежных кушеток, с лежащими на них безжизненными телами, каждое под определенным номером, соответствовавшим номеру его сердца. От времени до времени одна из кушеток исчезала и скоро возвращалась пустая. Это означало, что лежавший на ней получил обратно свое сердце и, обновленный, отправился совершать свои обычные дела.

Чернчайль и министр лежали рядом, в совершенно одинаковых условиях, отличаясь друг от друга только тем, что у одного номер был на единицу больше, чем у другого. Но до чего были различны эти люди!

Чернчайля мы уже знаем. Его сердце утонуло любовью к человечеству, которому оно всю жизнь самоотверженно служило. Сердце министра не знало любви. Если бы однажды любовь какими-нибудь тайными путями проникла в него хоть на одно мгновение, в тот же миг испортилась бы вся механи-

ка его государственной работы, и он стал бы делать ошибку за ошибкой, и страна, цветущая под его и ему подобных управлением, впала бы в несчастье и претерпела бы бедствия.

Это сердце получило свои качества от бесчисленного ряда поколений, ремеслом которых было управление страной; кроме того, оно было выдержано в строгой школе, специально занимавшейся приготовлением политических деятелей. В политике нет чувства, и из этого сердца было совершенно вытравлено чувство, оно было лишено способности поддаваться впечатлениям, как бы они ни были сильны. Холодное, но глубокое знание своей страны и беспощадная справедливость, вот чем жило и билось это сердце. Оно умело всякому воздать должное, но никого в жизни никогда еще не пожалело.

Абсолютное бесстрашие, полное отрицание друзей и врагов. Машинное соблюдение законов, которые предусматривают каждое движение человеческой души. Жестокое занятие, способное закалить всякое сердце. Он был грозой своей страны. Граждане не люби-

ли этого человека, потому что он был неумолим, но та же неумолимость снискала ему общее уважение и доверие. Среди тысячемиллионного народа он был одинок, но это было одиночество сознания исполненного долга. Таковы были эти двое, чьи тела, казавшиеся безжизненными, лежали рядом, каждый под своим номером.

Что случилось с Чернчайлем?

В ту же ночь, еще при свете земного солнца, Чернчайль, с обновленным сердцем и свежими силами, провожаемый многочисленными слугами гостиницы, с воздушного подъезда ее поднялся в высь, и, сильно нажав миниатюрную пружину висевшей на золотой цепи в виде брелока летательной машины, дал ей полный ход и, быстро рассекая воздух, полетел в Америку. Министр же, отремонтировав свое сердце, утомленное суровой государственной работой, с новыми силами принялся за свое дело...

Казалось, что ничего особенного не произошло, и все в мире должно бы идти по-старому. На самом же деле произошли поразительные вещи, которые, как там за океаном,

так и здесь, на пространстве колоссальной России, заставили людей теряться в догадках. Прилетев в Америку, Чернчайль с прежним жаром принялся за свои благотворительные дела. Благодаря усталости сердца, в последние годы он несколько запустил их. Так, обыкновенно он ежегодно самолично посещал все созданные им учреждения. Их было разбросано по материку Америка сотни тысяч, они выполняли самые разнообразные цели, клонившиеся к увеличению счастья обездоленных людей, но все были связаны одним - именем Чернчайля, величайшего человеколюбца.

И вот теперь, чувствуя себя освеженным, он сейчас же принялся за осмотр своих учреждений. Нужно было облететь всю Америку, с далекого севера до самой южной точки ее. И он это предпринял. Но в то время, как раньше каждое его посещение всюду считалось праздником, так как ознаменовывалось новыми благодеяниями, теперь оно везде оставляло после себя глубокое недоумение и ужас. Чернчайль был уже не молод.

Это ничего не значит, что у него был еще

свежий вид и, глядя на него, никому не пришло бы в голову назвать его стариком. Это оттого, что он вел всю жизнь здоровый и добродетельный образ жизни. Но он прожил на свете уже сто двадцать пять лет, и из них, по крайней мере, сто отдал беззаветному служению обездоленному человечеству.

Быть может, ни в одну еще историческую эпоху человечество так резко не делилось на счастливых и обездоленных, как в то время, о котором идет речь. Сравнительно небольшая кучка людей забрала в свои руки все сокровища Земли, и, благодаря несметному количеству золота, платины, радия и других благородных элементов, которыми безраздельно владела, она царила на Земле, проводя жизнь в бездействии и неге.

Другая часть человечества, самая значительная, захватила в свои руки все отрасли труда. Достигшая, благодаря невероятной населенности Земли, безумного напряжения конкуренция заставляла людей этого класса изоцряться в науках, изобретать, совершенствовать свое искусство и главное работать, не покладая рук, почти без отдыха, отдавая

сну не более получаса в сутки. И все это единственно для прокормления себя и своих близких. И эти люди так же охраняли свое исключительное право на труд, как те - самые счастливые обладатели сокровищ - защищали свое исключительное право на богатство.

Но была и третья часть человечества, это те, что не устояли в борьбе за существование, чьи способности и силы оказались слишком слабыми для этой борьбы. Они влачили жалкое существование, заранее осужденные на гибель, если не лично, то в своих потомках, которые не получают от них ни каких-либо накоплений, ни изощренных способностей, ни выносливости в работе. Вот этим-то и пошел на помощь Чернчайль, их-то он и поддерживал, и, благодаря ему, многие из них уже выбились из жалкого положения париев и перешли в класс работников.

Но что же теперь сделалось с великим человеколюбцем Чернчайлем?

Когда он явился в им же созданный целый город, неподалеку от старинного и уже почти превратившегося в развалины городка Бостона, который теперь посещался только любими-

телями старины, - когда он явился в этот город, названный его именем, жители, все благосостояние которых было основано на поддержке со стороны Чернчайля, высыпали на площадь и восторженно приветствовали его. И вот он взошел на высокое место, и уже по одному виду его можно было догадаться, что он принес им не совсем то, чего они ожидали.

Поза у него была надменная, а лицо выражало холодное и ядовитое презрение.

- Граждане, - сказал Чернчайль, - вы ждете от меня обычных слащавых речей о священной обязанности каждого, обладающего излишком, приходить на помощь слабому и обойденному судьбой! Вы ждете от меня этого потому, что прежде я всегда проповедовал эту истину. Но, напрасно. Если я когда-нибудь произносил подобные слова, то жалею об этом. Почему я должен отдавать свои сокровища вам и вам подобным? Я несметно богат, это правда, но это только доказывает, что мои почтенные предки, накопившие это богатство, были люди сильные, обладавшие тонким умом и железной волей. Они сумели покорить себе других, не столь сильных, кото-

рые были так глупы, что позволили им выжимать из них все соки.

Но, спрашиваю вас: почему же этого не случилось с вами? Ведь, у каждого из вас тоже были предки, почему же они, так же точно, как мои, не позаботились о своих потомках и не накопили для них, если не богатство, то хоть просто достаток? Отвечаю: потому что они были слабы духом и телом, и эту слабость они передали вам, и вот вы, предоставленные самим себе, не сумели ухватиться за здоровые устои жизни и влачили жалкое существование.

Ну, так что же? И продолжайте влачить его. Значит, вы его заслужили и ничего другого не стоите. Слабые должны исчезнуть с лица Земли.

Они только обременяют Землю и без всякой пользы истребляют своими легкими кислород, которым в наше время так дорожат, потому что слишком много грудей вдыхает его. Объявляю вам, что я отменяю все свои начинания. Отныне я не дам ни одного пенса на так называемые добрые дела, которые я считал вредными и злыми. Я знаю, что это, с мо-

ей стороны, жестоко, - но справедливо. Да здравствует же жестокая справедливость! Сказав эти слова, он быстро пустил в ход свою машинку-брелок, стрелой взвился в воздух и скрылся в облаках.

Он слышал, как с земли вслед за ним взвились и долетели до него вопли тысяч голосов. Видел, как подымались к нему угрожающие кулаки, но он знал цену этим угрозам. Эти несчастные были настолько слабы духом, что не могли привести их в исполнение. То же самое произошло во всех других городах и поселениях, основанных Чернчайлем. Он безжалостно отказывал им в дальнейшей поддержке, и во многих местах, которые он посетил раньше других, уже начались голод и бедствия.

Живя на готовые средства, отпускавшиея без счета Чернчайлем, эти люди позволили себе даже завести семьи и стали сильно размножаться.

Теперь им нечем было кормить своих детей. По всему материке Америка разнеслись вести о странной, непостижимой перемене, происшедшей с Чернчайлем. Об этом труби-

ли газеты. По всей стране каждые четверть часа выходили новые газеты и, свободно перелетая по воздуху без помощи человеческих ног и рук, взлетали в окна и щели домов и попадали прямо в руки читателей.

Чернчайль окончательно отказался помогать людям. Он уже больше не любил их. Когда к нему приходили за помощью и даже только за советом слабые, разбитые жизнью люди, он только издевался над ними.

- Вы разбиты жизнью, - говорил он, - я это вижу. Но это оттого, что вы родились хрупкими и негодными для жизни. И вы теперь уже не люди, а жалкие осколки, которые нужно выбросить в канаву. И вместо того, чтобы поддержать ваше ненужное существование, я говорю вам: идите на скалистый берег океана и бросьтесь оттуда вниз, в глубину пучины.

Вам ничего больше не остается. Справедливость не знает жалости.

Каждый заслужил свою судьбу, и каждому воздается должное.

Так говорил Чернчайль, и слова его с быстротой молнии перелетали через материк и передавались из уст в уста. Но странная

необыкновенная игра судьбы не ограничилась этим. Скоро соотечественники узнали еще более поразительные вещи: Чернчайль, который раньше был образцом умеренности и целомудрия, окружил себя бездельниками и льстецами, которые пользовались его милостями и пели ему дифирамбы.

Его новый дворец, который он еще тогда, перед полетом своим в Петербург, воздвиг, чтобы сделать его единственным в мире хранилищем книг, теперь был наполнен пирующими дармоедами. Целые дни они, во главе с самим Чернчайлем, восседали за столами и предавались беспримерному обжорству и пьянству. Среди них было множество оболстительных женщин, о которых прежде без ужаса не мог и подумать Чернчайль. Теперь же они вертелись вокруг него и своими бесстыдными ласками забавляли его и разжигали его страсть. Чернчайль не признавал ничего, кроме наслаждения. Он слышать не хотел ни о чем другом и смеялся над добродетелью...

Что сделалось с главным министром?

Но не менее, чем соотечественники Черн-

чайля, были изумлены жители не только Петербурга, но и всей Российской страны, с ее тысячемиллионным населением. Уже давно в ней, как и в других культурных странах, государственный порядок установился раз навсегда. Опыт тысячелетий, в продолжении которых люди метались из стороны в сторону, мучительно отыскивая наилучшую форму жизни, пробовали то одну, то другую, вступали в междоусобные войны, истребляли друг друга, проливали братскую кровь, этот опыт не прошел даром. Теперь, если бы кому-нибудь вздумалось не то, чтобы поднять восстание, а даже только заговорить о новой форме государственности, его просто осмеяли бы. Все было выработано, и люди слишком были заняты своими делами, чтобы отдавать время таким пустякам.

Были глубокие специалисты управления, так же точно, как и специалисты всех других профессий. Они должны были тщательно следить, чтобы исполнялись законы, которые были совершенны. И этого было достаточно. Страна была спокойна за свое процветание. И вдруг все пошло вкривь и вкось. Главный ми-

нистр, который считался человеком совершенно непоколебимым и твердым и относительно которого существовало мнение, что он скорее согласится, чтобы ему отрубили обе руки, чем допустит нарушение хоть одной буквы закона, вдруг словно переродился. Чиновники, выходявшие от него с бумагами, на которых он клал резолюции, смотрели друг на друга с вытянутыми лицами, на которых выражалось недоумение, граничившее с ужасом.

Что случилось с министром? Уж не сошел ли он с ума? Вот дело о гражданине, который, впад в бедность, вследствие неблагоприятных условий жизни, долго и упорно боролся и, наконец, решился ограбить какое-то коммерческое учреждение. Это было безумное предприятие, которое заранее было осуждено на неудачу. Полиция, на которой лежала обязанность охранять граждан от всех возможных покушений на их личность и собственность, была организована идеально. Ни одно злонамеренное движение не ускользало от ее зорких глаз.

И, конечно, несчастный был взят на месте

преступления тотчас после того, как совершил его. О, ему не мешали, хотя заранее знали о его намерениях. Ему дали довести свое дело до конца, чтобы были явные и неподлежащие никакому толкованию улики. Судья, действуя на точном основании закона, немедленно приговорил его к строгому наказанию. Но всякий приговор, прежде чем его исполнять, обязательно проходил через руки главного министра, без санкции которого ничто не делалось в стране. Он отвечал за все, значит, все должен был знать. И вот, перед ним дело этого несчастного. В прежнее время он дал бы себе труд, чтобы отметить на бумаге короткий значок: исполнить.

Но на этот раз главный министр до того заинтересовался делом, что даже подумал около минуты, - много, ужасно много для главного министра. И только подумавши, он положил резолюцию. Но какую? Разве можно было себе даже представить что-нибудь подобное? Он написал:

"Человека, который был подвигнут на преступление крайней нуждой, нельзя наказывать. Наоборот, государство обязано помочь

ему стать на ноги и сделаться честным гражданином". Читали эту резолюцию все и не понимали не только того, каким образом министр мог написать ее, но и того, как она могла бы быть осуществлена. Ведь все, что делалось этими служителями закона, подчинялось порядку, который устанавливался в течение столетий и в котором теперь каждая мелочь была незыблема.

Это была колоссальная машина, в которой обязанности колес и винтов исполняли люди. Каждый хорошо знал свою определенную роль и никогда не касался того, что составляло роль другого органа. Но как ни старались припомнить исполнители воли министра, на их памяти, - хотя среди них были двести пятидесятилетние старики, - не было ни одного случая, чтобы государство, как было сказано в резолюции, помогло встать преступнику на ноги. Что это значит? Как это сделать?

Очевидно, дать ему средства, но для этого не было выработано форм, все средства казны были заранее распределены между тысячами государственных нужд. Одним словом, необыкновенная резолюция министра спу-

тала все, и все были так огорошены, что на несколько минут потеряли способность работать, и государственная машина бездействовала, что, разумеется, сейчас же отразилось на благосостоянии самых отдаленных уголков страны.

Но если бы только это! Дальнейшие резолюции были нисколько не лучше этой. Министр противоречил в них самому себе, всей своей неуклонной деятельности, всем принципам своего воспитания. Он вдруг перестал быть неумолимым сторонником бесстрастной справедливости и совершенно открыто стал на сторону обиженных и обойденных судьбой.

- Главный министр сошел с ума, - стали говорить ближайшие к нему люди, но старались держать это в секрете, боясь возмущения в обществе.

Однако министр сам постарался, чтобы это долго не оставалось секретом. Когда его резолюции вызвали недоумение в высшем государственном учреждении, которое обсуждало самые важные дела, - так что пришлось даже приостановить их исполнение, он сам явился

туда, и тут уже для всех стало ясно, что ум его повредился.

Он вышел на кафедру и сказал, правда, блестящую и глубокую речь - о том, что государство не может крепко держаться на принципе неравенства всех своих граждан и что сейчас же все преимущества богатых должны быть распределены между бедными. Но мало этого. Когда он заговорил о классе париев, неспособных даже к работе и гибнущих от голода, голос его задрожал, и вдруг перед изумленными слушателями раздались рыдания. Министр всенародно плакал над судьбой обездоленных братии.

Это было нечто, не поддающееся описанию. "Главный министр плачет. Он плачет!" - восклицали слушатели, у которых у самих при этом глаза были наполнены слезами, так как речь министра растрогала их. Но это ничего не значит, - они могли растрогаться, но сознание сурового долга не покидало их и к тому же они не были министры. Для всех было ясно, что новый взгляд министра на отношение государства к слабым и гибнущим от собственной слабости его подданным - явля-

ется гибельным для страны. Но самое главное было то, что от такой перемены взгляда у министра государство испытывало потрясение, оно несло огромные убытки. По распоряжению главного министра, строились какие-то дома для бедных, в разных пунктах страны открывались столовые, где злосчастные пары кормились на государственный счет.

Ничего подобного раньше никогда не делалось. Это противоречило основному принципу государственности: никто не должен жить на счет другого, и каждый имеет право только на те блага и преимущества, которые приобретены трудом его самого или его предков. И в стране начали раздаваться голоса, что так продолжаться не может.

Навели справки во "Всеобщем органо-ремонториуме". Оказалось, что мозг его на протяжении всей жизни уже семь раз вынимался из черепа для чистки и приведения в порядок. И стало совершенно ясно, что мозг главного министра износился и потерял все свои замечательные качества.

Блюстители человеческих душ

При таком настроении в государстве все

клонилось к тому, что могла произойти величайшая несправедливость, а именно: всюду стали говорить о предстоящей отставке главного министра и замене его другим. Сам министр не чувствовал ни малейшей потребности в отставке и совсем не думал о ней. Но, само собой разумеется, если бы страна выразила свое желание, он беспрекословно подчинился бы. И хотя вопрос этот еще не трактовался официально, но всюду в частных кругах он уже почти был решен. Ожидали только повода, т.е. какого-нибудь крупного мероприятия, которое совершенно дискредитирует министра в глазах граждан.

Но в это время произошло одно обстоятельство, которое совершенно изменило течение событий. В Америке новое направление деятельности Чернчайля, так страшно противоречившее прежнему, обратило на себя внимание целого сонма ученых психологов, которые сильно заинтересовались этим явлением. Такой резкий поворот в характере и во всех душевных качествах человека еще никогда не наблюдался. В науке не было ни одного даже приблизительно похожего факта. Ученые

психологи посвятили этому вопросу целый ряд заседаний, выслушали много рассказов от свидетелей как прежней жизни Чернчайля, так и теперешней, и кончили тем, что совершенно растерялись.

И вот они уже были готовы признать свое бессилие, для чего и было назначено последнее заседание. В это-то заседание явился начальник государственного учреждения, на обязанности которого лежало следить за каждым шагом всякого гражданина, чтобы охранять страну от какого бы то ни было проявления злой воли. В его распоряжении были десятки тысяч слуг, носивших звание "блюстителей человеческих душ", сам же он назывался "Главный блюститель".

Это был не простой человек, а глубокий психолог. В своей науке он дошел до такого совершенства, что, взглянув на череп человека, узнавал все мысли его.

- Мне известно, - сказал он, - что наш знаменитый Чернчайль год тому назад предпринял полет через океан, залетал в Петербург и оставался в этом городе несколько часов. От моего внимания не ускользнуло также и то,

что, между прочим, там он пользовался услугами всемирно известного "Всеобщего органо-ремонториума". Для меня осталось только скрыто, какой именно из своих органов он подверг ремонту, так как знаменитое учреждение имеет обыкновение держать это втайне. Итак, я предлагаю командировать за океан, в Петербург, одного из лучших, состоящих в моем ведении, блюстителей человеческих душ. Я уверен, что через несколько дней тайна разъяснится.

Предложение было принято, и тотчас же один из блюстителей человеческих душ полетел в Петербург. Здесь он принялся за дело только ему одному известными способами, и в короткое время успел разузнать, что Чернчайль год тому назад чинил в "Органо-ремонториуме" свое сердце. Это было, конечно, драгоценное открытие, но оно далеко еще не решало дела, и потому блюститель решил остаться в Петербурге еще на некоторое время.

В качестве блюстителя человеческих душ он, разумеется, и здесь, уже в силу профессиональной привычки, присматривался к жиз-

ни, и его страшно заинтересовали рассказы местных жителей о необыкновенной перемене, происшедшей с главным министром страны.

- Но, ведь, это же буквальное повторение истории нашего великого Чернчайля! - воскликнул он, ударив себя тонким длинным пальцем по огромному лбу. - Не тут ли и зарыт ключ к разгадке тайны?

И он начал думать в этом направлении и собирать подходящие справки.

Ум у него был поразительной изощренности, и ничего нет странного в том, что он прежде всего обратился к "Органо-ремонторизму", желая знать, что и когда ремонтировал там главный министр. Тут-то он и напал на поразительное совпадение. Министр ремонтировал сердце, и притом не только в один и тот же день и час, когда то же самое делал Чернчайль, но и непосредственно вслед за ним. Он узнал их номера:

102489 и 102490. Когда он узнал все это и сопоставил в своей голове, он, не теряя ни минуты, вынул из кармана едва заметный для простого глаза беспроволочный телефонный

аппарат, несколько раз потрянул им в воздухе и, повернув лицо к западу, произнес:

- Америка? Нью-Йорк? Да, это я. Передайте Главному блюстителю душ, что я нашел важную нить, и в самом скором времени все дело будет ясно. Прибавьте, что мое открытие не только возвратит нам нашего великого чело-веколюбца Чернчайля, но и окажет величай-шую услугу России, что чрезвычайно важно в политическом отношении.

После этого он отправился к одному из ми-нистров, который занимал самое важное по-ложение после главного министра. Без дол-гих околичностей он рассказал ему о своем открытии и высказал предположение, что главный министр, как и Чернчайль, сердца которых были обозначены в "Органо-ремонт-ориуме" смежными номерами, сделались жертвой какой-нибудь роковой ошибки.

- Их сердца перепутали! - воскликнул ми-нистр. - Готов поклясться своей головой, что это так.

- Как? - спросил изумленный блюститель американских душ. - Разве это мыслимо в та-ком образцовом учреждении, как "Всеобщий

органо-ремонториум", славящемся на весь мир?

- Я ничего не могут сказать против "Органо-ремонториума". Это учреждение, действительно, стоит на недосыгаемой высоте и составляет нашу гордость, но все же оно находится в России, а мы, русские, несмотря на высокую степень культуры, какой мы достигли, сохранили в своей крови перешедший к нам от самых отдаленных предков странный недостаток, который в психологии известен под именем "авось"...

Явление, которое известно под этим именем, есть некий род фатализма.

Человек "полагается на авось", то есть вместо тщательного исследования довольствуется случаем, удачей. Мне трудно объяснить вам это, так как вы не русский. Мы это гораздо больше чувствуем, чем понимаем. И, благодаря нашему национальному "авось", даже в таком образцовом учреждении, как "Всеобщий органо-ремонториум", могли перепутать.

- Да, но что же мы могли бы сделать, чтобы удостовериться в этом?

- Как что? - воскликнул министр. - У нас в

руках есть самое простое средство, к которому мы, русские, прибегаем в тех случаях, когда больше нет никаких средств: ревизия! Я сейчас же сделаю распоряжение о производстве самой тщательной ревизии в "Органо-ремонториуме" за два последние года.

Американский блюститель душ, в сущности, не вполне понял, что это за штука такая - ревизия, но лицо министра дышало такой верой, что и он поверил в ее действительность. И что же? Не прошло и десяти минут, как целое полчище государственных служителей вонзилось в колоссальное помещение "Всеобщего органо-ремонториума", проникло во все его щели, не оставило без исследования ни одной его точки - до такого совершенства в то время было доведено искусство ревизии - и через полчаса в руках у министра уже было достоверное, подтвержденное неопровержимыми данными, сведение, что, действительно, сердца Чернчайля и главного министра были перепутаны...

Тайна "Всеобщего органо-ремонториума"

Два народа соединили свои силы для того, чтобы восстановить равновесие, нарушенное

благодаря роковой ошибке, происшедшей в "Всеобщем органо-ремонториуме", в Петербурге. Это было необходимо, так как Америка также нуждалась в прежнем сердце Чернчайля, как России было нужно сердце ее главного министра.

Чернчайль в Нью-Йорке и главный министр в Петербурге, оба были совершенно довольны своими сердцами, т.е. теми, которые бились в груди каждого из них в данное время. Кроме того, в починке этих органов год тому назад "Всеобщий органо-ремонториум" доказал совершенство своей работы: они были так здоровы и крепки, что не могло быть и речи о новом ремонте.

Да и к чему повело бы, если бы, например, Чернчайль почувствовал необходимость в ремонте своего сердца или то же случилось с главным министром? Ведь, для выполнения страстного желания двух народов, нужно было, чтоб обоим это понадобилось в один день и в один час. И оба Чернчайль в Нью-Йорке и главный министр в Петербурге - были постоянно окружены людьми, которые следили за ними и старались уловить благоприятный

момент. Чуть только один из них чувствовал утомление или недомогание, или даже просто насморк, сейчас же со всех сторон раздавались голоса:

- У вас, должно быть, что-нибудь с сердцем. Вы утомили ваше сердце.

Это будет преступление, если вы не отдадите ваше сердце в ремонт...

Ведь оно ценное не только для вас, но и для всего народа - ваше сердце.

Но и тот, и другой и слушать не хотели о ремонте. Они смеялись над подобными предположениями и уверяли, что сердца их в отличном порядке и никогда еще они не были так здоровы, как теперь. И, наконец, для всех стало ясно, что здесь придется допустить то, что строго порицалось всеми законами и во всем мире считалось самым тяжким преступлением - насилие. Но прежде чем решиться на это, были собраны философы, юристы и моралисты не только Америки и России, но и всех остальных стран. Они съехались в Париж, который считался центром мира, и на обязанности их лежало обсуждение вопроса:

допустимо ли с точки зрения закона и мо-

рали подобное отступление и не послужит ли это дурным примером для толпы?

Ученость этих мужей не лишила их осторожности, и заключение, которого в разных концах света с нетерпением ожидали миллионы людей, было таково: "В виду государственной необходимости - допустить исправление ошибки насилием; но при этом должна быть найдена форма, своей мягкостью соответствующая высшим гуманным требованиям современного культурного человечества".

После этого оставалось только немного подумать; и как всегда бывает, на помощь пришло случайное обстоятельство, именно то, что как раз в этом году истекало пятьсот лет со времени открытия русскими учеными способа продления человеческой жизни. Празднество было назначено в Петербурге. Из всех стран были приглашены все сколько-нибудь выдающиеся люди, и уж, конечно, Чернчайль получил самое настойчивое приглашение.

А так как он тогда был большим любителем всяких празднеств, где можно было весело провести время, то он, разумеется, согласился и, в сопровождении многочисленных

своих прихлебателей, предпринял полет через океан. И вот столица России наполнилась чужеземными гостями.

Сюда явились представители всех, даже самых отдаленных, стран. Улицы и площади столицы все пестрели разноцветными лицами и причудливыми одеждами.

Наступил день торжества. Колоссальный зал "Всеобщего органо-ремонториума" был набит приглашенными. Один из ученых специалистов этого учреждения читал доклад о пятисотлетней деятельности учреждения. Чернчайль, конечно, был здесь, и никто иной, как главный министр, - был его соседом. Когда доклад ученого был прочитан и все поднялись со своих мест и стали подходить к нему с приветствиями и поздравлениями, первыми подошли главный министр и Чернчайль.

И вдруг все увидели, что оба они, в тот момент, когда подошли к ученому и жали его руку, потеряли сознание и были поддержаны окружающими их приближенными. Радостный гул пронесся по всему залу и сейчас же перенесся на улицу, где стояла в ожидании

несметная толпа.

Это было делом искусного ученого специалиста. Может быть, ему достаточно было при пожимании рук только пристально посмотреть им в глаза... Это была тайна "Всеобщего органо-ремонториума". В тот же миг, неведомо откуда, появились две белоснежные кушетки, которые, приняв тела главного министра и Чернчайля, скрылись где-то за стеной.

В зале водворилось глубокое молчание, длившееся несколько минут, которые показались вечностью. Там, за стеной, происходило восстановление нарушенной справедливости. Сердца двух великих людей были вынуты из груди каждого, и тотчас же каждое было положено на место другого. Главный министр и Чернчайль получили, наконец, каждый свое сердце, данное им природой.

Произошло то, что должно было произойти. Чернчайль не мог дождаться даже конца петербургских празднеств. Он вдруг вспомнил, что там, в Америке, гибнут от голода миллионы обездоленных людей, о которых он почему-то, - он и сам никак не мог понять, почему, - не заботился больше года. И в ту же

ночь, не простившись с гостеприимными хозяевами города и даже никому не сказав ни слова, один улетел в Америку. И снова вся земля наполнилась восторженными рассказами о его благодеяниях.

А главный министр, придя после праздника в свой рабочий кабинет и беглым взглядом просмотрев свои же собственные резолюции и услышав от других о своих делах, пришел в такое отчаяние, что только сознание высокого долга перед своим народом удержало его от самоубийства...